

С.А. Фомичев

Дуэль четверых

В 1817 году имя Грибоедова было замешано в громкую и скандальную историю «дуэли четверых». Следствие, произведенное спустя неделю после происшествия, всех его обстоятельств не выяснило, но дало пищу разного рода кривотолкам. Насколько можно судить по мемуарам современников и официальным документам, события, приведшие к кровавой развязке, развивались следующим образом. 5 ноября 1817 года в Петербургском Малом театре давался спектакль «Караван Каирский, или Торг невольниками», комическая опера с хорами, балетом и сражениями. В представлении участвовала восемнадцатилетняя, но уже знаменитая Истомина. Счастливым ее поклонником был поручик кавалергардского полка Шереметев. Однако они не очень ладили между собой. На следствии Истомина говорила, что «давно намеревалась по беспокойному его характеру и жестоким с ней поступкам отойти от него». 3 ноября, поссорившись с Шереметевым (незадолго до этого получившим штаб-ротмистрские погоны), балерина уехала от него на квартиру своей подруги. Грибоедов, как утверждал впоследствии, решил выяснить обстоятельства ссоры, а потому и договорился с балериной, что будет ждать ее по окончании спектакля. «Говорили в Петербурге тогда, — сообщает Н. Сушков, — будто бы они <отец и мать Шереметева> умоляли Грибоедова, с которым В.В. был дружен, отдалить от него Истомину». Грибоедов привез ее на квартиру Завадовского, где в последнее время проживал. Истомина показала, что сюда же «вскоре приехал Завадовский, где он, по прошествии некоторого времени, предлагал ей о любви, но в шутку или в самом деле, того не знает». Потом Грибоедов отвез балерину к подруге, не придав серьезного значения этому происшествию, столь обычному в кругу «пасынков здравого рассудка», как он порой себя характеризовал. Но Шереметев через три дня помирился с Истоминой, а еще через два, грозя застрелиться, заставил ее признаться, где она была после спектакля 5 ноября. После этого дуэль была предreshена, тем более что секундантами и без того горячего ротмистра стали известные бретеры Якубович и Каверин. Якубович был особенно деятелен. 9 ноября в 4 часа дня он с Шереметевым явился к Завадовскому и потребовал от него «тот же час драться на смерть». Учтиво, но насмешливо тот попросил отсрочки хотя бы на два часа, чтобы пообедать. Тогда решено было договориться об условиях поединка на следующее утро. 10 ноября в 9 часов утра у Завадовского, несмотря на раннюю пору, уже находились гвардии подпоручик артиллерии Александр Строганов и Якубович. Условия дуэли были выработаны суровые: стреляться с шести шагов. Здесь же, при обсуждении условий, произошла ссора Грибоедова с Якубовичем. Так дуэль стала двойной: после Шереметева и Завадовского должны были стреляться их секунданты. На следующий день в Петербурге мела метель. Лишь 12 ноября соперники в 2 часа пополудни съехались на Волковом поле (в районе современного Волковского проспекта). Почти сразу же, на ходу, Шереметев выстрелил. Пуля оторвала воротник сюртука Завадовского. Тот хладнокровно дошел до второй черты и, дождавшись, когда, согласно условиям, соперник остановится перед ним в шести шагах, начал не спеша прицеливаться. В искусстве стрельбы Завадовский сравнивал себя с капитаном английской службы Россом, убивавшим на лету ласточек. Два раза показывалась вспышка на полке пистолета: осечка, еще осечка. Тогда Шереметев, «забыв все условия дуэли», крикнул, что, если будет промах, он все равно пристрелит рано или поздно Завадовского, как собаку. Прогремел выстрел. Шереметев упал и стал кататься по снегу: пуля попала в живот. К нему подошел, как всегда полупьяный, Каверин и воскликнул: «Вот те, Вася, и репка». Впрочем, возможно, было сказано что-то другое («редька» или «решка») — ясно было одно: рана смертельна. Так как нужно было позаботиться о раненом, вторая дуэль в тот

день не состоялась (она произошла год спустя у селения Куки, близ Тифлиса). 20 ноября 1817 года на следствии о дуэли Завадовского и Шереметева Грибоедов показал, что результат поединка ему неизвестен. Все участники дела, по принятым правилам, условились заранее не выдавать друг друга. Грибоедова 19 ноября вызывали на допрос к обер-полицеймейстеру И. Горголи в сопровождении депутата от Коллегии иностранных дел А. Ахлопова. Ахлопов послал донесение управляющему Коллегией П. Убри:

«Милостивый государь Петр Яковлевич! Возложенную вашим превосходительством обязанность быть депутатом по делу о бывшем дуэле между графом Завадовским и штаб-ротмистром Шереметевым, со стороны чиновника государственной Коллегии иностранных дел г-на Грибоедова, я принял; и вчерашний день следствие сего дела кончено и утверждено находящимися под следствием, так и депутатами со стороны каждого, о чем и поставляю долгом донести вашему превосходительству, какие объяснения были требованы от г-на Грибоедова по сему делу, а именно: что г-н Грибоедов был коротко знаком с штаб-ротмистром Шереметевым и жившею у него танцовщицею Истоминою. После учинившейся между Шереметевым и сею Истоминою ссоры, когда она уже выехала от него в другой дом, тогда будучи Грибоедов в театре, пригласил Истому ехать с собою в карете, чтобы узнать подробнее, за что она поссорилась с Шереметевым, которая на то охотно согласилась, и он привез ее в дом, где он жил вместе с Завадовским. В тот же вечер приехал по окончании спектакля домой и граф Завадовский, который и нашел его с Истоминою; после сего все они трое провели вечер вместе, а потом Истомина отправилась к себе. После сего граф Завадовский был вызван на дуэль Шереметевым, последствия коего ему, Грибоедову, были неизвестны. И сим заключены были показания г-ном Грибоедовым».

И только Якубович не отрицал своего соучастия. Он был переведен из гвардейских уланов в армейский полк на Кавказ. Завадовский отделался меньшим: ему было предложено на время выехать за границу, и он возвратился в Англию. С его слов в обществе ходила версия обстоятельств дела:

«Решено было стреляться, и Шереметев заявил, что дуэль смертельна. Устроен был барьер, заключающий десять шагов пространства; от него противники отступили каждый еще на десять шагов <...>. Шереметев, сделавший несколько шагов, выстрелил и промахнулся, Завадовский <...> выстрелил так, что пуля прошла мимо. Затем предложил мировую <...>. Граф рассказывал мне, что противник, уговариваемый одним из своих секундантов, колебался и, казалось, не прочь был от примирения, но другой секундант, Грибоедов, не допустил этого, настаивал на данном честном слове. (Когда через много лет после этого случилась с Грибоедовым катастрофа в Тегеране, Завадовский заметил: “Не есть ли это божья кара за смерть Шереметева”»).

Такой рассказ, неточный по существу и в деталях, сыграл, несомненно, свою роль в создании «общественного мнения» о вине Грибоедова в организации дуэли, в которой он был на самом деле невольным участником. Якубович своим шумным бретерством внушал восхищение, он поносил везде Грибоедова и, верный себе, присочинял по ходу рассказов живописные детали (о том, как с досады после поединка выстрелил в Завадовского и прострелил ему шляпу; о том, как подобрал пулю, убившую Шереметева, и угрозил ею же убить противника и т. п.). Завадовский оправдывался, намекая на неблагоприятное поведение Грибоедова. А тот молчал, считая ниже своего достоинства опровергать порочащие его слухи. Поэтому Грибоедов оказался опозоренным в глазах петербургской молодежи, которая особенно к сердцу приняла пересуды о поединке. Впоследствии А. Бестужев признавался:

«Я был предубежден против Александра Сергеевича. Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде...»

Однако больше, чем светские пересуды, Грибоедова терзали укоры совести. Происшествие, казавшееся вначале легкой шалостью, обернулось трагедией, и наедине с самим собой он не мог не чувствовать вины перед погибшим. Сообщая о дуэли Бегичеву, Грибоедов признавался, что на него нашла ужасная тоска, что беспрестанно он видит перед глазами умирающего Шереметева, что пребывание в Петербурге ему сделалось невыноси-

мым. Очевидно, сразу же после завершения следствия он уезжает на некоторое время в Нарву, оставив Жандру начатый незадолго до того перевод пьесы французского драматурга Барта, обещанный Екатерине Семеновой к бенефису.